Лили бросила на него обеспокоенный взгляд. "Выздоравливай скорее, хорошо?" Она уже знала, что станет хуже, прежде чем станет лучше. Ей хотелось, чтобы он просто признался ей в этом, чтобы ей не приходилось ходить на цыпочках вокруг этой темы каждый месяц. Но в конце концов речь шла о Ремусе, а не о ней, и если он не хочет говорить ей об этом, все, что она могла сделать, это оставаться рядом с ним и молча поддерживать его.

Шальная мысль заставила Лили ненадолго задуматься о том, знает ли Джеймс о состоянии своего друга. Он не был самым наблюдательным парнем, но у него бывали моменты. Быть хорошими друзьями с оборотнем целых пять лет, конечно...

Лили мысленно закатила глаза. Даже если Ремус захочет рассказать, как будто этот высокомерный мальчик позволит ему вставить хоть слово.

"Знаешь, он не так уж плох". пробормотал Ремус, как бы в ответ на ее мысли.

"Хм?" спросила она, довольная тем, что не стала спорить со своим больным другом.

Ремус повернулся, на его преждевременно побледневшем лице появилась нежная улыбка. "Джеймс. Он действительно отличный парень, когда узнаешь его получше. Хороший друг... Хороший человек. Дай ему шанс. Кто знает?"

"Конечно... Это возможно." Лили согласилась, когда Ремус удивленно моргнул. "Но мне не хочется соревноваться за внимание с его отражением в зеркале". Это вызвало непроизвольное хихиканье у песочноволосого мальчика, почти виноватая гримаса исказила его улыбку. Лили слегка похлопала его по плечу. "По крайней мере, ты попытался".

Ремус, казалось, боролся с собой какое-то мгновение, но потом отвернулся, на его лице появилась покорная хмурость. "Я просто... хотел бы, чтобы ты дала ему шанс... просто поговорить. Просто посидеть с ним и послушать, что он скажет. Может быть, однажды ты сможешь увидеть то, что я вижу в нем, что мы все видим в нем. То качество, которым обладает Джеймс Поттер. Тот великий человек, которым он является".

Улыбка тронула губы Лили. "Я точно знаю, что он должен быть чем-то особенным, чтобы вызывать такую преданность у своих друзей". Ремус улыбнулся в ответ, его глаза снова приобрели усталый блеск. "И я вижу его качества. Правда, вижу". Лили продолжила, мысленно перечисляя их все, но отказываясь озвучивать ни одно из них. Особенно это касалось того, насколько он красив - она никогда не переживет этого унижения. "Но... я просто не могу смириться с тем фактом, что он нарушает порядок, он самолюбив до неприличия, и, что хуже всего, он хулиган".

Люпин вздохнул и покачал головой из стороны в сторону, прислонив ее к стене, имитируя покачивание головой. "Тут я не могу с тобой спорить".

"Кроме того, я не думаю, что когда-нибудь смогу встать между вами четырьмя". Лили уступила с мягкой улыбкой, прислонив голову к каменной кладке и встретившись с усталым взглядом мальчика. "Я знаю, что, по крайней мере, Блэк меня ненавидит, я бы вызвала столько разногласий".

"Сириус хочет того же, что и Джеймс. Он это переживет". ответил Ремус.

Лили закатила глаза. "Мегаломаньяк." пробормотала она, на что Ремус ответил небольшой усталой улыбкой.

Несколько минут они сидели в дружеской тишине; больной мальчик привалился к маленькой угловой нише и, казалось, затих. Лили вздохнула, засекая время, зная, что как бы Ремус ни выглядел нуждающимся в отдыхе, ей придется потревожить его на время праздника.

"Привет. Ремус." воскликнула Лили тихим голосом, пробуждая его от легкой дремоты. "Извини, но пора идти". Она встала и протянула руку, которую болезненный мальчик с благодарностью принял и позволил подтянуть себя на ноги. Стоя, он выглядел гораздо бодрее, к большому облегчению своего коллеги-префекта и друга.

Они медленно шли по коридорам, прислушиваясь к нарастающему грохоту шагов по мере приближения к Большой лестнице. Лили бросила взгляд на своего друга, чтобы убедиться, что он не отстает от них. Оказалось, что ей не стоило беспокоиться, так как он улыбнулся в ответ, такой же яркий и румяный, как всегда.

Когда они спускались по лестнице, со стороны вестибюля до них донеслись крики и грохот. Два префекта обменялись мгновенным взглядом, после чего оба бросились бежать к подножию лестницы, расталкивая других учеников.

Когда они прокладывали себе путь сквозь толпу, остановившуюся на лестничной площадке, Лили замерла на месте. Ремус тоже остановился, заметив то, что увидела она, и быстро оглянулся на нее, беспокойство проступило на его брови. Ведь внизу, в холле, с поднятой палочкой и яростью на лице стоял Северус Снейп.

*****

Студенты расступались перед ним, страх и растерянность клубились в толпе. Снейп поднял свою палочку и властно указал на двух гриффиндорских мальчишек с широко раскрытыми глазами, не старше четвертого курса. Эти глупцы вздумали пробраться в подземелье и напасть на одного из его первокурсников. Он застал их за тем, как они заманивали мальчика в классную комнату, наполняли ее заколдованными крысами и жестоко смеялись, когда мальчик кричал от ужаса.

Находясь в дурном настроении от толпы и активности, и преследуемый тяжелой задумчивостью, которая сопровождает каждый священный вечер, Снейп действовал быстро и жестоко. Не успев даже объявить о себе, Снейп отбросил двух гриффиндорцев от двери и освободил запертого внутри мальчика, разогнав разбегающихся грызунов от хлынувшего на них потока.

Направив свою палочку и ярость на двух незваных гостей, он погнал их перед собой, заставив быстро бежать по узким коридорам подземелья и сквозь толпу слизеринцев, изгнав их в прихожую. Маленький первокурсник Слизерина последовал за ним, восхищенный зрелищем свершившегося правосудия. С кротким, но благодарным взглядом в глазах мальчик посмотрел на старшего ученика, который шагнул вперед, чтобы поддержать его.

Теперь перед ним стояли два гриффиндорца, на лицах которых воинственность сменилась страхом, когда они вышли за пределы территории Слизерина. Толпы людей, заполонившие Входной зал в предвкушении праздника Хэллоуин, расступались перед этой сценой. Красные, синие и желтые цвета освещали толпу, и это уже не было ситуацией, в которой он не мог ожидать вмешательства, если бы решил наказать этих гриффиндорских мальчишек.

Однако, какими бы предосудительными ни были их намерения, они не были предметом его гнева. Вместо этого Снейп повернулся на пятках и направился прямо к собирающейся толпе слизеринцев, их предвкушающие ухмылки стерлись перед лицом надвигающейся ярости

Снейпа.

"Разве ты не префект?" прорычал Снейп, обращаясь к широко раскрывшим глаза Розье. "Почему же ты не откликнулся на призывы о помощи?"

В глазах высокого мальчика мелькнула нервозность. "Что на тебя нашло, Снейп?" умолял он с наполовину нелепой попыткой изобразить наглую самоуверенную ухмылку.

"Неужели ты не думаешь, что это твоя обязанность - вмешаться и защитить младшего Слизеринца?" Он перевел взгляд на Регулуса Блэка, который смотрел на него почти без выражения.

В суровых бровях Снейпа образовалась линия, омрачившая его и без того черные глаза, а зубы оскалились в безумном оскале. Он знал, что эмоции управляют им, и он позволил им это сделать. Эти подростки не поддавались разуму, что толку от спокойного собрания?

"Мы - дом изгоев!" прорычал он на собравшихся Слизеринцев. "Никто не позаботится о нас, если мы сами не позаботимся о себе. Мы не можем позволить себе игнорировать крики друг друга о помощи!".

К их чести, и Розье, и Блэк опустили глаза в знак одобрения. Слизеринцы вокруг них приняли это к сведению, и по толпе пронесся намек на смирение. Окруженный взглядами других Домов, окруженный шепотом этих невежественных нагнетателей страха, Дом Слизерина стоял молча, пока один из них ругал их за апатию.

Снейп обратил свой яростный взгляд на стоящих перед ним гриффиндорских мальчиков, отбросив их назад силой своего взгляда, и замешательство на их лицах сменилось удивлением и намеком на страх. Как они могли осмелиться вторгнуться на территорию Слизерина, напасть на одного из самых уязвимых. На первокурсника. Ребенка, который еще не нашел свое место в собственном Доме, не говоря уже о школе. Ребенок, который был уязвим для влияния окружающего мира, уязвим для тьмы внутри их Дома.

Защитить учеников.

Это была последняя просьба Дамблдора, обязанность, которой Снейп полностью посвятил себя, и которую он выполнял в меру своих сил. В результате он потерпел неудачу. Неудача, как и все в той жизни, которую он вел. Жизнь, которая была насмешкой над самим собой.

В эту ночь, ночь Священного Сочельника, ночь, когда его грехи плясали на его коже, как колючки, и каждая его неудача насмехалась над ним из каждого уголка его мыслей. Именно тогда груз его обязанностей стал тем якорем, за который он цеплялся.

Он медленно повернулся к молчаливым Слизеринцам, их глаза буравили его почти осязаемым взглядом. "Сегодня вечером я объявляю указ. Никто не должен причинять вред другому члену своего Дома. Никто не должен игнорировать крики другого о помощи". Он повернулся, направив свой последний взгляд на внезапно притихшую толпу. Испуганные хаффлпаффцы и растерянные рейвенкловцы, гордые и высокомерные гриффиндорцы.

"Слизерин стоит вместе, несмотря на всех вас!" прорычал он, и когда его глубокий голос, отдающийся эхом, затих, его снова встретила тишина.

Он почувствовал, как на него смотрят сотни оценивающих глаз. Страх и гнев, гудевшие в толпе. И издевательский смех недоверия, который, как он знал, сплотит его Дом сильнее, чем

любой приказ.

http://tl.rulate.ru/book/75461/2286209